

ПРОХОДИТ ЖИЗНЬ...

* * *

А телеграммы радости скупы,
но боль щедра, и горечь хлебосольна...
Не отыскав нигде своей тропы,
не стала я ни Сольвейг, ни Ассолью.

Я так от этой жизни далека,
где все прекрасно: лица и одежда.
Грызет меня всеядная тоска.
Соломинкой прикинулась надежда.

Я жизнь свою сумела не прожить
по-своему, как я того хотела.
Зачем сейчас все это ворошить?
Душа достигла своего предела.

Жить не сумела? Чем-нибудь другим
займись... Как небо — предвечерним светом...
Решай загадку замогильной зги,
что нам была предложена поэтом.

Уходят дни, неудержимо мчась,
летят, как пух от ветра дуновенья.
Проходит жизнь. Особенно сейчас.
Особенно вот в это вот мгновенье.

Наталия Кравченко родилась и живет в Саратове. Филолог, член Союза журналистов, работала корреспондентом ГТРК, социологом, редактором частного издательства. Читает публичные лекции о поэзии разных стран и эпох. Автор 18 книг стихов, литературных эссе и критических статей. Публиковалась в журналах и литературных альманахах «Саратов литературный», «Эдита», «Русское литературное эхо», «Сура», «Параллели», «RELGA», «Новый свет», «Фабрика литературы», «Порт-фолио», «Артикль», «Эрфольг», «45-я параллель», «Семь искусств», «Лексикон», «Золотое руно», «Гостиная», «Подлинник», «День и ночь». Лауреат 13-го Международного конкурса поэзии «Пушкинская лира» (Нью-Йорк, второе место). Финалист 5-го Международного конкурса поэзии им. Владимира Добина (Ашдод—Израиль). Лауреат международных поэтических конкурсов «Серебряный стрелец», «Цветавская осень», «45 калибр», «Эмигрантская лира — 2013/2014», конкурса имени Игоря Царева «Пятая стихия», конкурса имени Дюка де Ришелье (Серебряный Дюк), международного конкурса «Серебряный голубь России-2016» (Санкт-Петербург, четвертая премия), финалист и дипломант межобластного конкурса поэзии «Чем жива душа...» (Ярославль, 2016), международного литературного конкурса «Родной дом» (Минск, 2016), лауреат литературной премии «Свой вариант» (Луганск, 2016).

* * *

Дождь вырвался из плена облаков,
Запрыгал — посмотрите-ка, каков!
Взломал свою небесную тюрьму.
И пляшется, и плачется ему.

Мой водный знак, самой стихии брат!
Нет никаких нигде ему преград.
Скосил глаза куда-то на висок
и пишет что-то мне наискосок.

А что в письме? Размытая строка...
Течет любви условная река.
Живой воды таинственная власть
на мертвенную сушу пролилась.

Не плачь, мой дождик, лучше попляши,
расплескивая жалобы души.
О сколько слез! Прими же их, внемли,
жилетка безразмерная земли.

* * *

Уютный комнатный мирок
с родными старыми вещами,
без обольщений и морок,
из сердца вырванных клещами.

Отброшен гаршинский цветок,
не надо ран очарований!
Мой домик, угол, закуток,
что может быть обетованней?

Принять неспешный твой уклад,
тонуть в тепле облезлых кресел
и на домашний циферблат
глядеть без Батюшковой спеси.

На коврик, чашки, стеллажи
сменить бездомность и огромность.
Не блоковские мятежи,
а Баратынского укромность.

О здравствуй, снившийся покой!
Ты наконец не будешь сниться!
Утешь меня и успокой
в ладонь уткнувшейся синицей!

Повисло облака крыло —
прощай, мой путеводный пластырь!
На все, что мучило и жгло,
налепим стихотворный пластырь.

Уходит завтра во вчера
без жертв, без жестов и без тостов.
Дней опадает мишура
и остается жизни остов.

И пусть из зеркала не ты
глядишь, какой была когда-то.
Закроет бреши темноты
заката алая заплата...

Ну что, купились? Я смеюсь.
Сменю ли крылья на копыта?
Все, что люблю, чему молюсь —
о, не забыто, не забыто!..

* * *

Я знаю, истина в вине.
Не в том, что плещется на дне —
в неискупаемой, нетленной.
Она лежит на дне души.
Ей тяжело дышится в тиши.
Она одна во всей вселенной.

Неутолимая печаль
меня терзает по ночам.
Кому поведать? Богу? Людям?
И я бреду в своем аду
и повторяю, как в бреду:
«О, как убийственно мы любим!»

Ночной звонок: «Але! Але!»
И мысль безумная мелькнет:
а вдруг твой голос я услышу?
Раздастся в дверь тревожный стук,
и — сердца вздрог: а вдруг? А вдруг?!
Но это дождь стучит по крыше.

Плесну в бокал себе вино.
Но, словно кровь, оно красно.
Мы пьем и пьем хмельное зелье,
не понимая, что хмельны
не от вина, а от вины,
и будет ужасом похмелье.

Пройдет сто лет, сто раз по сто...
Ничто не сгладится, ничто!
Она навек со мною слита,
как горб проклятый за спиной.
О как в сравнении с виной
легка и сладостна обида!

Вина дается нам сполна.
Ее не вычерпать до дна.
И каждый день мой ею мечен.
Я от нее не излечусь.
Я с ней вовек не расплачусь.
Хотя платить уж больше нечем.

Я знаю истину: она
для понимания трудна,
пока не бьешься в исступленье.
Я знаю, что такое Бог.
Бог — это боль, что он исторг.
И — искупленье, искупленье...

КУКУШКА

Кукушка-высочка в часах
не обещает жизни долгой.
Оно понятно, не в лесах.
Кукукнет пару раз — и в щелку.

Почти живое существо.
Вещунья, пифия, сивилла...
Я не боялась ничего,
не верила и не просила.

Но вот тебя прошу сейчас,
боюсь и верю в это чудо —
о накукуй мне лишний час,
моя домашняя пичуга!

О наколдуй мне лишний день,
и юных нас, от счастья пьяных,
и всех любимых мной людей,
что скрылись в норках деревянных.

Кукушка, стой, не уходи!
Но мне за нею не угнаться...
О знать бы, что там впереди,
когда сердца пробьют двенадцать.

* * *

Привыкшие к телесным пеленам,
мы не подозреваем о свободе,
той, что от века недоступна нам,
а только снам, парящим в небосводе.

Я говорю с тобой, как на духу,
на языке, понятном лишь поэтам.
Такая грусть и нежность наверху,
а нам внизу неведомо об этом.

Отбросить страх и повседневный прах, —
земля лишь для того, чтоб оттолкнуться —
и взмыть туда, куда нас тянет в снах,
откуда не захочется вернуться.

Взойдет звезда над письменным столом,
в окне распишет бисером полотна
и защитит невидимым крылом
все, что еще бесплатно и бесплотно.